
В.А. Соколова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
И.Н. КНОРРИНГ И А.А. АХМАТОВОЙ
(ВОССТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗИ
С ТРАДИЦИЕЙ ЧЕРЕЗ ЧТЕНИЕ-УЧЕБУ)

В середине 1950-х гг. архив поэта Ирины Николаевны Кнорринг (1906–1943) был перевезен на родину ее родственниками. Они, как и многие эмигранты, вернулись в СССР после окончания войны на волне подъема патриотических настроений. Семья Кноррингов-Софиевых была репатриирована в Алма-Ату. Там Николай Кнорринг бережно занимался сохранением архива дочери, стремился опубликовать книгу воспоминаний о ней и напечатать ее стихи, выполнив тем самым последнюю волю покойной. С этой целью он поехал в Москву и передал стихи Кнорринг Ахматовой, попросив отзыва на них для будущей публикации в журнале «Простор».

Ахматова, ознакомившись с творчеством И. Кнорринг, захотела принять старшего Кнорринга, даже несмотря на то, что сильно болела в это время. Так, по-настоящему глубоко, тронули ее прочтенные стихи. Это же она отметила и в своем напутствии:

«По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно и скучно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи»¹.

То, что Николай Кнорринг именно Ахматовой передал рукопись со стихами дочери, как и то, что Ахматова столь тепло отозвалась о лирике доселе неведомого ей поэта, несомненно, говорит не только о даровании Ирины Кнорринг, но и о некоторых особенностях этого дарования.

Критика еще при жизни Кнорринг указывала на ее заметную поэтическую близость с Ахматовой. Например, Г.А. Адамович в своем доброжелательном отзыве на первый сборник «Стихи о себе» 1931 г. отметит: «Она еще не вполне избавилась от влияния Ахматовой, — особенно в приемах, манере и интонации стихов о любви, — но это общая судьба всех молодых поэтесс последних пятнадцати лет: они объясняются со своими возлюбленными на языке “Четок” и “Подорожника”»².

¹ Ахматова А. Соч.: В 2 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1990. Т. 2: Проза. Переводы. С. 247.

² Адамович Г. [Рец. на:] Георгий Чулков *Salto mortale* или повесть о молодом вольнодумце Пьере Волоховском. Москва. 1931 г. — Екатерина Бакунина. Стихи. Париж. 1931 г. — Ирина Кнорринг. Стихи о себе. Париж. 1931 г. // Последние новости. 1931. 30 апреля. № 3690. С. 3.

Сама Кнорринг не разделяла этого мнения, полагая, что некое чисто женское начало есть в творчестве всех поэтов-женщин. И все же опасалась навсегда остаться в тени знаменитой современницы. Известно, впрочем, что и Ахматова низко оценивала поэзию своих подражателей, называя ее «бесславной славой». И потому ее отзыв говорит и о том, что в строках неизвестного ей поэта она увидела что-то особенное, самостоятельное и уникальное. Что же столь неповторимое обнаруживается в стихах Кнорринг?

Еще со времени проживания в Тунисе, это первая половина 1920-х гг., она учится на стихах Ахматовой, пытаясь осмыслить ее воздействие и превратить его в сознательный прием. Эта учеба делает поэзию Кнорринг более литературной, что и отмечает В.Ф. Ходасевич в статье «Женские стихи», сравнивая стихи И. Кнорринг со стихами Е.В. Бакуниной: «Влияние Ахматовой (пусть даже не вполне, не до конца понятное) придает стихам Кнорринг гораздо более литературный характер. Как и Ахматовой, Кнорринг порой удается сделать “женскость” своих стихов нарочитым приемом — и это уже большой шаг вперед. Той же Ахматовой Кнорринг обязана чувством меры, известною сдержанностью, осторожностью, вообще — вкусом, покидающими ее сравнительно редко»³.

Мы попытаемся проанализировать точки соприкосновения в творчестве двух этих поэтов. Их общность в основном проявляется в любовной лирике, о чем хорошо сказал Г.П. Струве в своем труде «Русская литература в изгнании», очертив границы влияния Ахматовой на поэзию Кнорринг: «Скончавшаяся во время войны от тяжелой болезни Ирина Кнорринг, жена Юрия Софиева, как все почти женщины-поэты этого поколения, испытала на себе влияние Ахматовой. Но влияние это не шло дальше чисто внешнего и отразилось главным образом в стихах, тема которых — отношения между женщиной и мужчиной. Но это не главная тема Кнорринг. Поэзия ее очень личная — едва ли не самая грустная во всей зарубежной литературе»⁴.

Однако при этом не следует забывать, что, несмотря на влияние Ахматовой, поэзия Кнорринг имеет собственную ценность. Ее отец, Н.Н. Кнорринг, в своих воспоминаниях «Книга о моей дочери» несколько раз обращался к этому моменту, касаясь мнения критики. Так, он рассказывает, что поэзия акмеистов «сделала свое дело — стихи Ирины стали более простыми. В сущности, это отвечало вообще ее манере письма и содержанию ее стихов, связанных с серыми буднями ее сфаятского времени. Ахматова в этом отношении только подкрепила направление лирики Ирины, указав на ее возможности»⁵.

Часто сама Кнорринг делает сознательные отсылки к первоисточнику, что указывает на желание подчеркнуть существующую литературную связь и, осмысливая ее, выработать собственную личную манеру.

Эти связи с Ахматовой проявляются у Кнорринг на внешнем уровне в виде неточных цитат, повторов и одинаковых образов. Так, у Кнорринг «Стихи об одном. III»

³ Ходасевич В. Женские стихи // Возрождение. 1931. 25 июня. № 2214. С. 3.

⁴ Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996. С. 238.

⁵ Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери. Воспоминания. Алматы, 2003. С. 38.

(«Ты не бойся, что я напороочу, / И накаркаю нам беду»⁶) содержат явную отсылку к стихотворению Ахматовой «Гость» («Я смеялась: “Ах, напороочишь / Нам обоим, пожалуй, беду”»⁷). В том же цикле «Стихи об одном. V» («И ты поймешь, как опустело все / И в белом доме, и в душе, и в жизни»⁸) видно влияние строк Ахматовой («Твой белый дом и тихий сад оставлю. / Да будет жизнь пустынна и светла»⁹).

На этих примерах мы видим, что первые шаги Кнорринг состоят в переосмыслении опыта Ахматовой: поэтесса пропускает чужое творчество через свое, а в дальнейшем стремится использовать его как прием.

Еще одним проявлением сознательной отсылки можно считать эпитафьи и обращения к Ахматовой. Например, стихотворение «Ночью слишком натянуты нервы...»¹⁰ с эпитафьей «Прости, прости, что за тебя / Я слишком многих принимала», взятым из Ахматовой, или же многоплановое стихотворение «Я девочкой уехала оттуда...»¹¹ с эпитафьей «Темна твоя дорога, странник. / Полынью пахнет хлеб чужой», строки которого принадлежат Ахматовой.

При этом, обозначив внешние признаки влияния и разбирая литературные связи Кнорринг и Ахматовой, следует помнить, что отсылки к русской культуре в эмигрантской литературе были очень часты и являли собой общую тенденцию. Так, В.Ф. Ходасевич свое стихотворение «Петербург» завершает строками «Привил-таки классическую розу / К советскому дичку» — что является отсылкой к русской классической литературе, а именно представляет отношение к идее стихотворений «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» А.С. Пушкина и «Памятник» Г.Р. Державина. Г.В. Иванов в стихотворении «В пышном доме графа Зубова...» цитирует фразу, сказанную ему в разговоре Ахматовой — «Этот вечер вы запомните».

И. Кнорринг, не имея возможности цитировать Ахматову по личным воспоминаниям, обращается к ее стихам. Например, в стихотворении «Анне Ахматовой» (1926):

Над горами — спокойные вспышки зарниц.
На столе — карандаш и тетрадь.
Ваши белые книги и шелест страниц, —
И над ними — дрожанье косматых ресниц —
Разве все это можно отдать?

И пушистую прядь золотистых волос,
И туманное утро в росе,
И шуршанье колючих цветущих мимоз,
И гортанные песни, что ветер разнес
По безлюдным и гулким шоссе.

⁶ Кнорринг И. Стихи о себе. Париж: Паскаль, 1931. С. 25.

⁷ Ахматова А.А. Примите этот дар...: Стихотворения. М., 2000. С. 118.

⁸ Кнорринг И. Стихи о себе. С. 27.

⁹ Ахматова А.А. Примите этот дар... С. 123.

¹⁰ Кнорринг И.Н. Книга о моей дочери. Воспоминания. С. 66.

¹¹ Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. Алма-Ата, 1993. С. 25.

Разве можно не помнить о юной тоске
 В истомленный, полуденный зной,
 О шуршании шины на мокром песке,
 О беззвучности лунных ночей в гамаке
 Под широкой, узорной листвой,

Это первое лето в мечтах и слезах,
 И зловещее солнце в крови,
 И какой-то наивный, ребяческий страх —
 Все лежит в Вашем имени, в тихих стихах,
 В непонятной тоске о любви¹².

Таким образом, обращение к русской литературе большей частью шло через творчество Ахматовой, на котором стало развиваться творчество Кнорринг. В данном случае ее реакция на ахматовское влияние имеет две стороны: с одной — представляет собой литературную учебу, с другой — выступает как стремление преодолеть ученичество, изжить чужую манеру и найти свой стиль.

В чем же проявилась учеба Кнорринг?

Действительно, она много почерпнула у акмеистов, в том числе такую черту, как внешнюю графичность мира. И у Ахматовой, и у Кнорринг часто присутствует стремление выразить собственные переживания через предмет или деталь, которые в итоге вмещают в себя вечные темы. Такое обостренное восприятие окружающего мира очень сближает их мироощущения.

Также следует сказать, что Кнорринг особо ценила лаконичность ахматовского поэтического языка, о чем писала в своем дневнике по поводу стихов современников: «...все-таки было бы лучше, если бы они были короче. Вот этой-то ахматовской черты всем из теперешних поэтов и не хватает»¹³.

А установка на краткость и предметность, в свою очередь, вела к свернутости сюжета, характерной для любовной лирики Ахматовой. Эта черта хорошо видна в стихотворении Кнорринг «В Люксембургском саду, у газона...» (1929):

В Люксембургском саду, у газона,
 Против серого зданья Сената,
 На часы я смотрела когда-то,
 Притворяясь наивно влюбленной.

В Люксембургском саду, у фонтана,
 В жаркий август (вовек не забуду!)
 Я поверила в яркое чудо.
 Было тихо, безлюдно и рано.

Зелень свежая, воздух недвижимый,
 Воробьишек пугливая стая...

¹² Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери. Воспоминания. С. 57.

¹³ Кнорринг И. Повесть из собственной жизни: [Дневник]: В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 504.

— Хорошо, что все это бывает
Только раз в нашей маленькой жизни¹⁴.

Современники не раз говорили о связи поэзии Ахматовой с русским психологическим романом. И. Кнорринг наследует акмеистической традиции и использует опыт Ахматовой в своей поэзии. Однако уже и здесь чувствуется некое отличие тона, более скорбная складка губ в словах «притворяясь наивно влюбленной». И этот собственный оттенок, возникающий в процессе учебы и творческого поиска, становится яснее при разборе у поэтов общих мотивов.

Один же из основных — это ощущение непрочности мира, отражающееся в личной драме лирической героини. У Кнорринг эта черта видна, например, в стихотворении «Папоротник, тонкие березки...» (1927):

Папоротник, тонкие березки,
Тихий свет, вечерний тихий свет,
И колес автомобильный след
На пустом и мшистом перекрестке.

Ни стихов, ни боли, ни мучений,
Жизнь таинственно упрощена,
За спиной — лесная тишина,
Нежные, взволнованные тени.

Только позже, на лесной опушке
Тихо дрогнула в руке рука...
Я не думала, что жизнь хрупка,
Как фарфоровая безделушка¹⁵.

Для сравнения возьмем стихотворение Ахматовой «Дверь полуоткрыта...» (1911):

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.

¹⁴ Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. С. 55.

¹⁵ Там же. С. 46.

Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души¹⁶.

Общий мотив предчувствия некоей катастрофы, стоящей за страданиями персонажей, указывает на другой общий мотив тоски и смерти, который занимает значительное место в творчестве Кнорринг. Это связано с ее многолетней тяжелой болезнью, сведшей ее в могилу. И если в начале творческого пути еще возможно связывать образ смерти с литературными влияниями, то позднее это становится бессмысленно. Ее язык вообще, а в разговоре о смерти особо, становится суше, прозаичнее, в него все более явно входит быт. На примере приведенных выше стихотворений видно, что если Ахматова, говоря о смерти, обращается мыслью к вечности, то Кнорринг ограничивается сравнением с фарфоровой подделкой. Ее собственный голос постепенно начинает крепнуть.

В этих стихотворениях («Папоротник, тонкие березки...» и «Дверь полуоткрыта...») мы видим все общие черты, названные выше: и краткость, и предметность, и свернутость сюжета. Родство их явно, но, тем не менее, расхождение все же намечено в интонации.

Ахматовские интонации звучат в таких стихотворениях И. Кнорринг, как «Молчанье ничто не нарушит...» (1929)¹⁷, «Станет больно — не заплачу...» (1924)¹⁸, а «Монпарнас» (1931)¹⁹ явно навеян стихотворением «Вечером» (1913) А. Ахматовой («Звенела музыка в саду / Таким невыразимым горем...»).

Но в то же время, сравнивая их любовную лирику, мы видим, что собственная интонация Кнорринг начинает звучать все сильнее. Она становится принижено-бытовой и обретает скорбно-иронический оттенок.

Современный исследователь Л.Л. Бельская говорит, указывая на различие: «И стихи И. Кнорринг — это тоже лирический дневник, запечатлевший обыденную жизнь с житейским “сором”, но еще более приземленную, чем в ранней ахматовской поэзии, и с более ироническим и беспощадным самоанализом»²⁰. Изменение ахматовской интонации и проявление собственного стиля, выраженного в усилении оттенка иронии, мы можем видеть на примере стихотворения Кнорринг «Просто, без слез и проклятий...» (1931):

Просто, без слез и проклятий,
С горстью наивных стихов,

¹⁶ Ахматова А.А. Примите этот дар... С. 20.

¹⁷ Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. С. 52.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ Там же. С. 74.

²⁰ Бельская Л.Л. Поэзия Ирины Кнорринг // Русская речь. 1995. № 5. С. 27.

В стареньком ситцевом платье,
В темной тоске вечеров,

С запахом лука и супа,
В кухонном едком чаду —
Женщиной слабой и глупой
Тихо к тебе подойду.

И без упрёка и стона
Острую боль заглушу.
Снов твоих страшных не трону
И ни о чем не спрошу...²¹

В своем творчестве Кнорринг не проявляла стремления к формальным поискам. Вероятно, из-за того, что росла на акмеизме, где слову стремились вернуть его первичное значение. Поэтому основное в ее стихах — это интонация.

И Ахматова увидела и оценила своеобразие поэзии Кнорринг. Опираясь на ее собственный отзыв, можно сказать, что она почувствовала мучившую Кнорринг тоску бесприютного существования, боль о покинутой родине, как и искренность ее слов и их внешнюю простоту, о которой говорил еще Адамович и которую подчеркивает Ахматова. А тихая же и печальная интонация окрашивает стихи Кнорринг тем особым оттенком, за которым чувствуется настоящий поэт со своим уникальным мироощущением.

²¹ Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. С. 76.